

ЙОСЕФ МИХЕК

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ
ОПЛАТЫ ТРУДА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

В последнее время все чаще обсуждается вопрос о воспроизводстве рабочей силы в сельском хозяйстве. С этой проблемой связан целый ряд смежных вопросов, из которых фактор оплаты труда в сельском хозяйстве приобрел относительную самостоятельность. Можно сказать, что сопоставление уровня заработной платы в разных отраслях народного хозяйства стало обычным методическим подходом к изучению причин неудовлетворительного состояния рабочей силы в сельском хозяйстве. Правда, этот статистический метод необходим в качестве фактологической основы, однако одного этого сопоставительного метода недостаточно. Проблема оплаты труда в единых сельскохозяйственных кооперативах (сокр. ЕСК — колхозах) и государственных хозяйствах (сокр. госхозах — совхозах) несомненно слишком широка, чтобы можно было постигнуть все отрицательные явления, которые здесь действуют. Кроме того, иногда трудно отличить следствие от причины. Однако автор считает, что в основе всех затруднений лежит до сих пор действующая система субъективно составленных планов сельскохозяйственного производства, от выполнения которых зависит существенная доля оплаты труда. Административные вмешательства действуют как фактор противостоящий материальной заинтересованности, что неизбежно приводит к противоречию между интересами общества в целом, сельскохозяйственного предприятия и отдельных работников.

*

Вышедший из-под контроля, а иногда и стихийный отток работников из сельского хозяйства — помимо других причин — был вызван в первую очередь длительным нарушением социалистического принципа оплаты труда (а из этого и вытекающего нарушения материальной заинтересованности), когда за одинаковое количество выполненной работы работники сельского хозяйства во многих случаях получают меньшую зарплату, чем работники в других отраслях народного хозяйства. Так, например, месячная заработная плата в 1955 г. составляла в промышленности в среднем 1278 крон, в отрасли строительства — 1350 крон, а в сельском хозяйстве — только 898 крон. Правда, в 1964 г. средняя зарплата в сельском хозяйстве поднялась до 1235 крон, но в то же время она составляла в отрасли строительства 1625 крон и в промышленности — 1514 крон;¹ следовательно, разница практически не изменяется, несмотря на существенные изменения в уровне производительных сил и производственных отношений в сельском хозяйстве.

В данном случае можно возразить, что не принимается во внимание

различный уровень квалификации работников в приведенных отраслях, или же, другими словами, не отличается простой труд от квалифицированного. С этим аргументом можно было бы согласиться в том случае, если сопоставить сельское хозяйство в целом с промышленностью в целом. Однако этот аргумент неубедителен, так как, если сопоставить сельское хозяйство с добывающей и металлургической промышленностью или с отраслью строительства, то в этих отраслях применяется — подобно тому, как и в сельском хозяйстве — преимущественно труд с низкой квалификацией работников, но зарплата здесь несравненно выше. Если исходить из взаимного сопоставления приблизительно одинакового квалифицированного труда работников сельского хозяйства и промышленности, то выявляется значительная разница в уровне оплаты труда. Так, например, если в 1963 г. растениевод зарабатывал в среднем 1141 крону в месяц, то чернорабочий в промышленности — 1377 крон; сельскохозяйственный механизатор — 1701 крону, а бульдозерист в строительстве — 2094 кроны; техник в сельском хозяйстве — 1386 крон, а техник в промышленности — 1973 кроны. Весьма недооценен также и труд ведущих работников в сельском хозяйстве. Согласно действующей системе оплаты труда заработная плата примерно 15% председателей ЕСК (единых сельскохозяйственных кооперативов), в том числе с высшим образованием, составляла бы приблизительно на половину меньше, чем заработок промышленного рабочего с основной квалификацией. Зарплата 43% председателей ЕСК равнялась бы приблизительно заработку рабочего в промышленности.² У остальных ведущих работников ЕСК различия в зарплате еще больше бросаются в глаза. Такая необоснованная разница в уровне зарплат, по всей видимости, вызвана разной оценкой труда в промышленности и в сельском хозяйстве, а также недооценкой сельскохозяйственного производства для гармоничного развития народного хозяйства в целом.

Часто встречаются взгляды, что более низкий уровень заработной платы в сельском хозяйстве закономерно вытекает из несравненно более низкой производительности труда в этой отрасли, а также и из незначительной роли в процессе образования национального дохода. Однако в народном хозяйстве можно найти целый ряд отраслей, заводов и цехов с разным уровнем производительных сил и производительности труда. Если допустить, что уровень зарплаты должен зависеть от производительности труда, то нужно было бы считаться со стихийным оттоком рабочей силы в те отрасли и заводы, которые отличаются более высоким уровнем производительных сил и производительности труда. Другими словами, речь идет о разном органическом составе капитала в отдельных отраслях (если пользоваться терминологией Маркса), который вряд ли когда-нибудь будет вполне одинаковым. Однако мы должны интересоваться прежде всего величиной стоимости, созданной абстрактным трудом. Из теории стоимости Маркса известно, что одинаковое количество абстрактного труда создает одинаковое количество стоимости во всех отраслях, несмотря на органический состав капитала, т. е. несмотря на уровень производительных сил и производительности труда. Суть вопроса, следовательно, заключается не в разном уровне производительности труда, а в нарушении эквивалентности при обмене различной продукции, взятой как простой результат абстракт-

ного труда. Принцип, по которому работник получает от общества (после отчисления прибавочного труда) в другой форме столько же труда, сколько он обществу отдал своим трудом, в случае работников сельского хозяйства был грубо нарушен. Используя возможности центрального и перспективного планирования, социалистическое общество может, а иногда и должно преимущественно развивать некоторые отрасли (опасность диспропорций между металлургическими и металлообрабатывающими заводами, обороноспособность страны) и выплачивать в этих отраслях за единицу простого труда более высокую зарплату за счет других отраслей.

В Чехословакии эти неравные условия в развитии отдельных отраслей проявлялись особенно во время первой пятилетки, когда дополнительные ресурсы для ускорения тяжелой индустрии были приобретены прежде всего за счет сельского хозяйства, несмотря на то, что в создании этих дополнительных ресурсов участвовали и другие группы населения. Эта экономическая политика должна была проявиться в области цен и доходов. Так, например, заготовительные цены сельскохозяйственной продукции повышались несравненно медленнее, чем рыночные цены потребительских товаров. Также и зарплата работников государственных предприятий возрастала быстрее, чем общие доходы работников сельского хозяйства. Правда, определенная доля социалистического накопления была отчасти направлена обратно в сельское хозяйство, но подавляющая его часть поступала для поддержки тяжелой индустрии и машиностроения. В общем можно сказать, что функция цен здесь сыграла отрицательную роль в развитии сельского хозяйства, несмотря на то, что она укрепила процесс индустриализации.

Нет никакого сомнения в целесообразности указанного преимущественного развития в отдельные периоды строительства социализма, однако спрашивается, как долго возможно такое преимущественное развитие за счет отраслей, в которых оплата труда ниже среднего. Дело в том, что необходимо заметить, куда направляется сельскохозяйственное производство (в это время недооцененное), в какой степени оно способно удовлетворять нужды населения, сколько машиностроительной продукции нужно вывезти для того, чтобы обеспечить импорт сельскохозяйственных товаров, и, тем самым, выравнять диспропорцию между предложением и спросом на продукты сельского хозяйства.

Неравномерность оплаты труда проявляется не только в отношении сельского хозяйства к другим отраслям, но и внутри самого сельскохозяйственного производства: ведь средняя месячная заработная плата в ЕСК на 357 крон ниже, чем в госхозах. Эта разница вызвана главным образом тем, что кооперативы выступают перед обществом как самостоятельные собственники средств производства и, тем самым, как самостоятельные „предприниматели“, которые несут на своих плечах подавляющую тяжесть капитальной перестройки сельского хозяйства. Этот факт оказывает отрицательное влияние на уровень трудодня, несмотря на значительные государственные дотации. В государственных предприятиях и, тем самым, также и в госхозах капитальное строительство не оказывает почти никакого влияния на уровень доходов непосредственных работников; оплата труда здесь постоянная и определяется по тарифной сетке. Социалистический принцип „за равный труд равную зарплату“ в ЕСК находит

применение лишь в рамках каждого отдельного предприятия, однако он не может быть применен в рамках кооперативно-социалистического сектора в целом, не говоря уже о масштабах всего народного хозяйства. Дело обстоит так потому, что между отдельными ЕСК имеются значительные различия в производительности труда, организации, учете и т. д. Помимо этих субъективных факторов здесь оказывают действие также и объективные факторы, главным образом в виде разных почвенно-климатических условий, которые в условиях групповой кооперативной собственности непосредственно сказываются на уровне зарплаты. Совершенно иначе дело обстоит в госхозах (и вообще в государственно-социалистическом секторе), где зарплата идет за счет общественных фондов и не зависит от результатов хозяйствования в отдельных предприятиях.³ С этой точки зрения поучительна следующая таблица (за 1963 г.),⁴ доказывающая, что

Область	Средн. месяч. зарплата раб. госхозов в кронах	Стоимость труда в ЕСК*
ЧССР	1178	19,14
Средне-чешская	1186	19,89
Южно-чешская	1187	21,34
Западно-чешская	1193	21,67
Северно-чешская	1159	20,27
Восточно-чешская	1208	19,99
Южно-моравская	1186	21,07
Северно-моравская	1191	20,11
Западно-словацкая	1191	18,48
Средне-словацкая	1148	14,93
Восточно-словацкая	1156	12,96

* включая натуральную зарплату.

средние заработки в госхозах отдельных областей в общем выравнены (отклонения составляют 2—3%), тогда как в кооперативном секторе существуют в отдельных областях резкие различия в уровне труда. Так, например, в Восточно-словацкой области на 30% ниже среднего; это можно объяснить не только почвенно-климатическими условиями, но и резким подъемом промышленности, куда уходит значительная часть преимущественно молодых работников на работу в отрасли с преимущественным развитием.⁵ В рамках Среднесловацкой области, в которой фактор индустриализации не оказывает такого существенного влияния, речь идет, главным образом, о неблагоприятных (горных) производственных условиях или же, другими словами, о „бедной“ области. Однако, если допустить, что в Чехословакии есть „бедные“ и „богатые“ области, то это значит, что внутри кооперативного сектора был нарушен социалистический принцип оплаты труда. Даже если (особенно в начальном периоде перестройки сельского хозяйства) необходимо закономерно считаться с некоторой дифференциацией, то полное выравнивание жизненного уровня во всех областях могли бы дискредитировать коллективизацию (долговременно созданный

жизненный уровень, традиция и т. д.).⁶ Здесь мы уже, однако, затрагиваем сложную проблематику существования, влияния и изъятия дифференциальной земельной ренты, соотношения между фондом накопления и фондом потребления и т. д., что выходит из рамок настоящей статьи. Во всяком случае слишком определенно различия в уровне оплаты труда внутри кооперативного сектора отрицательно сказываются на состоянии рабочей силы и ее неравномерного размещения.

Значительные затруднения при наборе молодежи вызваны сезонностью сельскохозяйственного производства. Сезонность обусловлена самим характером сельского хозяйства и с ней надо считаться. Но к ней нельзя терпимо относиться; надо искать пути ее смягчения. Этого можно добиться лишь путем тесного сотрудничества сельскохозяйственных и несельскохозяйственных заводов. Последние могли бы использовать значительное количество растениеводов в период несезонного времени. Решению проблемы способствовало бы также рациональное размещение смежного (подсобного) производства. Самое затруднительное положение опять-таки в кооперативах. Между тем как госхозы обязаны заботиться о минимальной зарплате растениеводов (следовательно, об их дальнейшем) дополнительном (использовании), в кооперативных предприятиях заработки именно растениеводов в зимние месяцы минимальные. В 1960 г. месячный аванс на трудодень в растениеводстве составлял 100—160 крон в зимние месяцы а 450—500 крон в сезон полевых работ. Разница в рабочем напряжении между зимним и летним сезонами в 3—5 раз больше.⁷

Приведенные цифры свидетельствуют об отрицательном воздействии сезонности, в частности в растениеводстве, но и о низких доходах, выплачиваемых ежесезонно в качестве аванса на трудодень. Это слишком большое временное несоответствие между тем временем, за которое работа была выполнена, и временем, когда член кооператива (ЕСК) получает оплату за выполненный труд. Кроме того, величина трудодня не гарантирована и зависит от многочисленных субъективных (неспособность ведущих работников, соотношение между стоимостью и заготовительными ценами продукта и т. д.) и объективных факторов (климатические условия, природная стихия и т. д.). Последние не зависят от непосредственного работника, который не знает, за какую зарплату он собственно работает. Доходы членов кооператива в течение года низкие. Это их заставляет работать на своих приусадебных участках, представляющих собой дополнительные источники дохода отдельных членов ЕСК, а также кооператива в целом; этим сокращается досуг члена кооператива. Если мы хотим привлечь в ЕСК молодых работников и специалистов, то необходимо как можно скорее устранить принцип оплаты труда по трудодням и ввести оплату в денежной форме, которая соответствовала бы условиям в других отраслях народного хозяйства. Переход к непосредственной денежной оплате труда идет, однако, медленными темпами. В 1959 г. упомянутый способ оплаты труда был введен в 4 кооперативах, в 1960 г. — в 71, а в 1961 г. — в 306. В 1962 г. их число повысилось до 607 из общего количества 8 784 ЕСК.⁸

Долговременную стабильность оплаты труда можно, однако, обеспечить лишь в том случае, если уже достигнуть удовлетворительный уровень оплаты труда. Если дело обстоит иначе, то любая форма оплаты труда будет для материальной заинтересованности членов ЕСК мало действенной.

Сопоставление *непосредственных денежных доходов* в сельском хозяйстве с другими отраслями народного хозяйства могло бы привести к ошибочному выводу насчет оценки *общего жизненного уровня* в деревне и общих доходов работников сельского хозяйства. Если взять общие доходы в домашнем хозяйстве членов ЕСК в переводе на всех членов семьи, то они равняются доходам в переводе на всех членов рабоче-служащих семей или они в среднем даже несколько выше. Дело в том, что надо учитывать то обстоятельство что число так наз. иждивенцев, в первую очередь детей, в семьях членов ЕСК ниже из-за относительно преклонного возраста членов ЕСК. Этот (хотя и положительный) показатель не может, конечно, служить аргументом при наборе молодежи в сельское хозяйство; молодой человек, который хочет обзавестись семьей, прежде всего будет учитывать разницу в *рабочих доходах экономически активных лиц*.

Предположим, что в настоящее время валовой доход на душу населения в семьях кооперативных крестьян равняется уже рабоче-служащим доходам. (В упомянутый доход входит также и доход с приусадебного участка.) Но рабочий день у работников сельского хозяйства длиннее, поскольку работа на приусадебном участке вызывает слияние рабочего времени с досугом. Разница в жизненном уровне до недавнего времени заключалась также и в том, что со средней зарплатой рабочего и служащего были связаны более высокие социальные доходы (социальное страхование, прибавки на семью и т. д.), а также гарантированный отпуск, более благоприятные условия труда и т. д. Согласно статистике семейных доходов общий денежный и натуральный доход, приходящийся на одно экономически активное лицо в семьях ЕСК, в 1961 г. был на 18 % ниже, чем в рабоче-служащих семьях, и для получения этого дохода член ЕСК должен был работать на 15—20 % дольше. Тем самым и было существенно нарушено равновесие в материальной заинтересованности между сельским хозяйством и промышленностью.

Выравнивание различий в зарплате будет весьма продолжительным процессом. Научные сотрудники Экономического института Чехословацкой Академии наук вычислили, то, если бы чистая зарплата работников промышленности осталась на одном и том же уровне как в 1963 г. и зарплата работников госхозов и членов ЕСК повышалась бы одинаковыми темпами как за последние три года, то работники госхозов достигли бы уровня зарплат работников промышленности за 7 лет, т. е. в 1970 г., а работники ЕСК за 17 лет, т. е. в 1980 г. При условии, что во всех исследуемых группах сохранились бы одни и те же темпы повышения зарплаты как за 1960 до 1963 гг., выравнивание уровня зарплаты до уровня зарплаты работников промышленности произошло бы за 11 лет в госхозах и за 26 лет (т. е. в 1989 г.) в ЕСК.⁹

*

Встает еще один важный вопрос: как привлечь молодых специалистов в наиболее отстающие кооперативы? Здесь создается какой-то заколдованный круг, в котором трудно отличить причину от следствия. Молодые люди отказываются от поступления на работу в такие кооперативы, так как они заработали бы мало — трудодень низок. Но стоимость трудодня низка потому, что нет молодых способных работников. Кого из выпускников

средних и высших учебных заведений отправить на работу в эти предприятия? Человека с плохой успеваемостью — в наказание? В таком случае он был бы из-за своих слабых способностей и низкого уровня знаний бесполезным, и принудительные меры окончательно отбили бы у него охоту к работе. Чем хуже состояние хозяйства, тем способнее должны быть люди, чтобы все привести снова в надлежащий порядок. А что если отправить на работу в эти кооперативы самых способных выпускников? Это было бы издевательство над материальной заинтересованностью, так как молодой человек, который усердно стремился бы к хорошей учебе, был бы „вознагражден“ тем, что после поступления на службу его зарплата была бы ниже, чем у остальных, не говоря уже о более интенсивном рабочем напряжении (что и следует ожидать в отстающих кооперативах). Автор считает, что единственный путь привлечения молодых специалистов в эти кооперативы — это *гарантия определенного уровня оплаты их труда в течение всего года*, причем при помощи премиального фонда можно было бы обеспечить значительно повышение оплаты труда в случае положительных результатов хозяйствования. Такие мероприятия можно было бы принять лишь посредством дотаций за счет общественных фондов.¹⁰ Это привело бы к дополнительным требованиям к госбюджету, но с точки зрения общества эти расходы окупились бы, ибо:

1. если предоставить эти кооперативы своей судьбе, то положение в рабочей силе будет и впредь ухудшаться: нельзя будет использовать крупные производственные резервы; застой или же понижение производства будет продолжаться вплоть до полного истощения экономической жизнеспособности. Такие случаи на практике до сих пор решаются так, что ЕСК „превращаются“ в госхозы или присоединяются к госхозам. Это, разумеется, вызывает гораздо более высокие общественные расходы в виде дотаций госхозам.

2. Временная финансовая поддержка со стороны государства возместилась бы увеличением сельскохозяйственной продукции (закупочные цены, налоги и т. д.).

*

Государственные дотации, предназначенные для развития сельскохозяйственного производства, иногда неправильно воспринимаются как „подарки“ со стороны государства, которые обедняют государственную кассу и расходуются в ущерб другим отраслям. Не следует, однако, забывать, что социалистическое государство планомерно определяет, какая доля простого и расширенного воспроизводства будет осуществляться кооперативами и какая доля будет покрываться за счет общественных средств. Речь идет о долговременном процессе перестройки одной из отсталых отраслей народного хозяйства, в развитии которой должно быть заинтересовано все общество: согласно этому необходимо определять величину общественных расходов так, чтобы обеспечить, насколько возможно, пропорциональное развитие всего народного хозяйства. Дотации для развития сельского хозяйства нельзя также понимать *лишь* как перераспределение общественных финансовых средств в пользу сельского хозяйства за счет других отраслей, поскольку и в сельском хозяйстве часть продукции предназначена для общества (прибавочный труд). Кооперативы ее отдают обществу посредством цен, налогов и т. д.

Из неправильного понимания целесообразности общественных средств, направленных на покрытие определенной гарантированной величины оплаты труда у работников сельского хозяйства, вытекают совершенно противоречивые теории. Для иллюстрации можно привести мнение тов. Заславской,¹⁰ которая выступает принципиально против гарантированной величины оплаты труда в колхозах, так как это на ее взгляд обозначало бы замену товарно-денежных отношений отношениями непосредственного финансирования, которое свойственно только общественной форме собственности. „Финансируя значительную часть затрат колхозного сектора на оплату труда, государство, очевидно, не являлось бы собственником создаваемой этим трудом продукции. Следствием этого было бы не укрепление, а ослабление материальных стимулов к повышению экономической эффективности производства.“ С этими аргументами вряд ли можно согласиться, так как:

1. они основываются на понимании собственности как выражении определенного правового отношения, за которым исчезают экономические отношения. Мы уже упомянули о том, что на определенном этапе строительства социализма государство изымает значительную долю прибавочного продукта от ЕСК для более быстрого развития других производственных отраслей (индустриализация). Если бы мы и здесь применили строгие правовые отношения между кооперативами и государством на основе собственности, то такое переливание средств не могло бы происходить, поскольку государство не имело бы права собственности на собственность этих коллективов.

2. Определенная величина гарантированной оплаты труда может и не обозначать замену товарно-денежных отношений непосредственным финансированием, но, напротив, товарно-денежные отношения прямо требуют, чтобы уровень оплаты труда в отдельных отраслях определялся на основе стоимости затрат на воспроизводство рабочей силы. До сих пор, однако, во многих ЕСК оплата труда гораздо ниже стоимости общественно необходимых затрат на воспроизводство рабочей силы. Поддержка со стороны государства на покрытие гарантированной зарплаты в лучшем случае может обозначать перераспределение дополнительных ресурсов, полученных в других отраслях народного хозяйства, в ту отрасль (в данном случае в сельское хозяйство), из которой в определенный период строительства социализма значительная доля прибавочного продукта (или же и необходимого продукта) изымалась для более быстрого развития других отраслей (индустриализация).

3. Наименее обосновано утверждение тов. Заславской, что гарантированный уровень оплаты труда привел бы к ослаблению материальных стимулов к повышению экономической эффективности производства. Из практики чехословацких ЕСК известно, что именно в экономически слабых ЕСК материальная заинтересованность в повышении общественного производства незначительна, члены кооператива в гораздо большей степени работают на своих приусадебных участках, на которых их труд приносит относительно больший финансовый эффект. Впрочем, также и из недавнего прошлого советского сельского хозяйства известно, что чрезвычайно отстающие колхозы, предоставленные своей судьбе, потеряли всякий экономический смысл, групповые интересы были дискредитированы и пере-

стали быть стимулом к дальнейшему развитию сельскохозяйственного производства. Наконец надо было перевести их в категорию совхозов, чтобы легально гарантировать доходы работникам этих „бывших“ колхозов. О масштабах этого процесса можно судить по величине колхозной площади. От 1 сентября 1954 г. до конца 1959 г. общая площадь колхозных участков сократилась на 20,3 %, в том числе пахотной земли — на 15,7 %, лугов — на 13,8 %. Около 15—20 % всех колхозов УССР были превращены в совхозы.¹²

4. Тов. Заславская противоречит самой себе, когда в другом месте цитированной работы можно читать: „Недостаточно последовательное осуществление принципа равной оплаты за равный труд, связанное с зависимостью оплаты труда от объективных условий производства, отрицательно отражается на темпах развития значительной части отстающих хозяйств. Количественно и качественно равный труд колхозами, работающими в худших условиях, оплачивается ниже, чем остальными. Это ведет к дальнейшему оттоку рабочей силы (прежде всего молодежи) именно из той части колхозов, которая испытывает в ней наибольшую нужду, к усилению сложившейся неравномерности в обеспечении рабочей силой колхозов с благоприятными и неблагоприятными условиями производства о ослаблению материальной заинтересованности колхозников.“

Следовательно, чтобы не происходило нарушение принципа оплаты труда по количеству и качеству выполненной работы, необходимая определенная гарантия основной оплаты труда, которую, конечно, следует понимать не как гарантию по отношению к сельскохозяйственному предприятию, а по отношению к работнику. При действительно экономическом управлении сельским хозяйством большинство предприятий сумело бы обеспечить такую гарантию посредством достаточно высокого валового дохода. Мы не исключаем, однако, и таких экономических рычагов, как субсидии, кредиты и т. д. В принципе каждое отдельное предприятие само несло бы ответственность за обеспечение гарантированной оплаты труда, при условии, конечно, что общественные учреждения создают условия, т. е. простор для нормального действия экономических законов. Пока, однако, дело обстоит не так. Возьмем, например, область управления. Сколько общественных учреждений *управляет* сельскохозяйственным производством? А кто в конечном счете *отвечает* за возможные экономические неудачи? Здесь никого нельзя привлечь к ответственности, так как многоступенчатость управления становится уже заранее неопределенной (анонимной). Также и политика цен иногда ограничивала (а в некоторых случаях все еще ограничивает) естественные экономические стимулы производства. Еще в 1963 г. производство молока и убойного скота для сельскохозяйственных предприятий было убыточным, причем эта убыточность была прямо пропорциональна более неблагоприятным природным условиям. Аналогичное положение наблюдается и в СССР. На мартовском Пленуме ЦК КПСС (1965 г.) тов. Брежнев приводит примеры из Смоленской области, в которой все отрасли сельскохозяйственного производства, за исключением льноводства, убыточны. Для многих колхозов в СССР убыточно также и производство мяса. Итак, диспропорции в уровне оплаты труда не следует искать в формах оплаты труда (тарифные сетки или трудовни), а в грубом нарушении объективных законов товарно-денежных отношений, точнее

в долговременном нарушении *эквивалентности смены*, что и подорвало интерес хозяйства к более высокому производству, а также к работе в сельском хозяйстве.

*

Почему мы подчеркиваем эти обстоятельства? Потому что фактор оплаты труда в дальнейшем нельзя недооценивать, если мы в сельскохозяйственном производстве не хотим попасть в тупик. В чехословацком сельском хозяйстве работает 376 000 работников в возрасте 50—59 лет. Если учесть, что из этой группы ежегодно $\frac{1}{10}$ работников достигает „пенсионного“ возраста (что вполне реально), то число неработающих пенсионеров в сельском хозяйстве (экономически престарелых лиц) ежегодно возрастает почти на 40 000 работников.

Поэтому наиболее важной задачей остается набор новых работников, которых до 1970 г. надо привлекать для работы в сельском хозяйстве 40 000 ежегодно. Если эту цифру перевести на демографические показатели, то это значит, что за данный период надо будет привлечь в сельское хозяйство (или же в сельскохозяйственные школы) каждого 4—5-го человека, прошедшего обязательное школьное обучение. Это будет весьма важная и трудная задача.

Пока, однако, набор неудовлетворителен, так как запланированные квоты в отдельных областях выполняются на 62—85 %. К 1 марта 1964 г. годовой план набора был выполнен на 30 %, по сравнению с 36,0 % к той же дате 1963 г. Согласно сообщению Чехословацкого телеграфного агентства от 19. 7. 1965 г. (газета „Руде право“ от того же дня), сельскохозяйственные заводы и производственные управления заключили к концу учебного 1964/65 г. договоры с 17 110 учениками девятилетних школ. 2 588 юношей и девушек обещали поступить на работу прямо на рабочее место. Значит, набор учеников выполнен пока на 62 %. Этот результат слабее, чем в 1964 г., когда к 30 июня было заключено 22 178 ученических договоров и 5 037 юношей и девушек поступили прямо на работу. В 1960—1963 гг. в сельское хозяйство ежегодно в среднем было принято 26 000 работников, а убыток (уход из сельского хозяйства) в этот же период составил 25 000, несмотря на то, что до 1970 г. предполагается годовой убыток (уход) в размере лишь 9 000 работников. Если бы набор молодежи в размере лишь 26 000 в год продолжался бы и впредь, то в 1970 г. в сельском хозяйстве было бы занято только 367 000 работников в возрасте до 40 лет. Вполне понятно, что это повлекло бы за собой катастрофические последствия для всего народного хозяйства.

Если анализировать причины такого положения, то необходимо задать себе вопрос, что мы до сих пор сделали для „омоложения“ нашего сельского хозяйства и для популярности этой профессии среди молодежи. Ничтожно мало! Мы сосредоточили главное внимание на пропаганде этой профессии, подчеркивая важную роль сельского хозяйства с точки зрения всего народного хозяйства. В печати и по радио мы пытались действовать в первую очередь на сознательность молодых (а иногда и более пожилых) людей. А это, конечно, волонтаризм. Уже Ленин в одной из своих работ предупреждал, что социализм нельзя построить исключительно только на основе политической сознательности, а *при помощи* сознательности. Первоочеред-

ным делом в период строительства социализма остается материальная заинтересованность.

*

Чтобы осуществить набор работников по запланированным цифрам, надо будет приступить к решению этой задачи с максимальной реальностью. Хотя и новая сельскохозяйственная техника в значительной мере способствовала понижению напряженности и трудоемкости ручного труда, но еще далек тот день, когда можно будет сказать, что сам характер работы в сельском хозяйстве не отличается от такового в промышленности. В отношении культуры и гигиены труда, климатических условий, травматизма и др., сельское хозяйство еще долго не сможет конкурировать с промышленностью. Следовательно, все отрицательные черты условий работы в сельскохозяйственном производстве необходимо компенсировать экономическими факторами. К сожалению, дело пока обстоит так, что экономические стимулы не только не компенсируют весь комплекс невыгод работы в сельском хозяйстве, а, наоборот, они занимают одно из первых мест в перечне причин неудовлетворительного положения в сельскохозяйственном производстве. При этом известно, что для ликвидации напряженного состояния с рабочей силой наиболее действенным экономическим рычагом является установление более высокого уровня зарплаты, которая должна быть тем выше, чем ниже интерес к работе в данной отрасли (горное дело, металлургия). Настоящим парадоксом является положение в сельском хозяйстве, в частности в ЕСК, где спрос на рабочую силу, как правило, тем больше, чем безнадежнее возможность предоставить преимущественную зарплату направленную к привлечению работников, особенно квалифицированных специалистов.

Если за последние шесть лет доходы членов ЕСК из общего хозяйствования составляли 58,5 % чистой зарплаты работников промышленности, то причины надо искать в различных условиях производства и воспроизводства, а также в способе распределения созданного продукта между государственными и кооперативными предприятиями. Теоретический принцип, согласно которому кооперативное производство обладает своей адекватной формой оплаты труда, на практике осуществлялся в ущерб оплате труда. Часто он выливался в полное игнорирование значения политики в области зарплаты в кооперативных сельскохозяйственных предприятиях, как это приводит советский экономист А. Абдраязков в своей статье „Экономический поиск“. Абдраязков дает следующую критическую оценку политики зарплаты в совхозах: „Фонд потребления, его размеры складываются в отдельных случаях стихийно. Собственно говоря, в ряде хозяйств никакого фонда потребления в экономическом значении этого слова нет и сейчас. Он формируется из остатков других фондов. Когда расчеты хозяйства нарушаются, а фактические доходы оказываются меньше ожидаемых, то средства на производственные нужды всегда берутся из фонда оплаты труда. Тем самым под корень надрезается принцип материальной заинтересованности.“¹³

Поскольку экономическая основа (сущность) советских колхоз и в чехословацких ЕСК практически одинакова, мы оказываемся в центре противоречия между принципом оплаты труда по количеству и качеству, осу-

ществляемым внутри сельскохозяйственного кооперативного предприятия, который в конечном счете сводится в принципе „что останется“, несмотря на значительные дотации государства. (Последних, очевидно, недостаточно для того, чтобы выравнить резкие различия в уровне оплаты труда в промышленности и в сельском хозяйстве.) Такого рода процесс несомненно оказывает влияние на снижение себестоимости продукции, но если это происходит путем понижения оплаты труда, то оплата труда члена кооператива может оказаться гораздо ниже уровня общественно необходимых затрат на воспроизводство рабочей силы. Итак, окончательный экономический эффект приведенного процесса с точки зрения общества оказывается лишь фиктивным, ибо он подрывает основной фактор экономического роста — материальную заинтересованность.

Для дальнейшего усовершенствования новой системы управления перед экономической наукой стоит весьма важная задача — вопрос степени экономической самостоятельности социалистических предприятий. Если у так наз. непосредственно финансируемых предприятий речь будет идти об углублении экономической самостоятельности и повышении зависимости величины оплаты труда от результатов хозяйствования, то в случае сельскохозяйственных кооперативных предприятий, напротив, надо будет тщательно проверить жизнеспособность сегодняшней формы самостоятельности, точнее говоря их изолированности от общественного воспроизводства. Таким образом будут созданы предпосылки для устранения до сих пор неравных условий также и для воспроизводства и стабилизации рабочей силы в обоих основных социалистических секторах народного хозяйства.

Чтобы общество не завязло в болоте волюнтаристических иллюзий (противоречие между конкретными расчетами, сколько молодых работников привлечь для работы в сельском хозяйстве и беспомощностью в том, как их привлечь), необходимо не только направлять максимальные усилия в сторону материальной заинтересованности, но и изучать *причины* неудач в существующих до сих пор формах и методах набора молодежи в сельское хозяйство. Этому бы, на наш взгляд, значительно способствовало *объединение творческих сил* экономистов, социологов, социальных психологов, педагогов и др., т. е. *специалистов по всем научным специальностям, которые здесь могут и хотят сказать свое слово*. Так удалось бы создать органически объединенные рабочие коллективы и устранить существующую до сих пор изолированность научных исследований в данной области.

Перевел Я. Панек

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статистический ежегодник ЧССР 1965, стр. 125.

² Материалы Экономического института Чехословацкой Академии наук „Проблемы воспроизводства рабочей силы в чехословацком сельском хозяйстве“, стр. 73—74, Прага 1965.

Составлено по материалам Статистического ежегодника ЧССР 1964 и Статистического ежегодника Министерства сельского хозяйства 1963.

³ Этот факт приводится только для сравнения, а не потому, что мы с этой уравниловкой в уровне оплаты труда без учета результатов хозяйствования и общественного

эффекта производства согласились бы. Это несомненно ошибочный принцип (как это уже много раз доказано на практике); можно ожидать, что происходящие изменения в принципах управления производством устранят многие отрицательные черты существующей практики.

⁴ Статистический ежегодник Министерства сельского хозяйства — 1963.

⁵ Подобно тому как у стдельных слабых ЕСК также и здесь причина и следствие переплетаются: можно также сказать, что рабочие уходят именно потому, что стоимость трудодня низка.

⁶ Речь, однако, не идет только об отдельных областях в географическом смысле: нарушение материальной заинтересованности сказывается в отдельных производственных областях. Если сопоставить величину оплаты за равное количество выполненной работы, то можно сказать, что оплата труда членов ЕСК в горной области (при переводе на одинаковое количество отработанных трудодней) в 1960 г. была не 23 %, в 1961 г. — на 30 % (в подгорной области), в 1960 г. на 22 %, в 1961 г. — 29 % ниже, чем в области свекловодства.

(Экономика сельского хозяйства 1962, №№ 10—11, стр. 758.)

⁷ Экономика сельского хозяйства 1963, № 7, стр. 414.

⁸ Экономика сельского хозяйства 1963, №№ 10—11, стр. 763.

⁹ Материалы Экономического института Чехословацкой Академии наук, цитир. работа, стр. 61.

¹⁰ Так обстоит дело, например, в Болгарии, где общество при помощи своего государственно-кооперативного фонда гарантирует всем членам кооперативов определенный минимальный уровень оплаты труда (1,8 лева за один трудодень).

¹¹ Т. Заславская, „О равной оплате за равный труд в колхозах“.

Вопросы экономики, № 10, стр. 25.

¹² Вопросы экономики 1961, № 2, стр. 26—27.

¹³ Известия от 30. 6. 1965 г.

K NĚKTERÝM TEORETICKÝM OTÁZKÁM ODMĚŇOVÁNÍ V ZEMĚDĚLSTVÍ

Nezvládnutý, mnohdy živelný odliv pracovníků ze zemědělství byl — kromě jiných faktorů — způsoben především dlouhodobým narušováním socialistického principu odměňování podle množství a kvality vykonané práce (a z toho vyplývající narušení hmotné zainteresovanosti), kdy za stejné množství vykonané práce dostávají v mnohých případech zemědělství pracovníci menší odměnu než pracovníci v jiných odvětvích národního hospodářství.

Často se vyskytují názory, že menší odměny za práci v zemědělství vyplývají zcela zákonitě z nepoměrně menší produktivity práce v tomto odvětví a také z nízkého podílu na tvorbě národního důchodu. Avšak v národním hospodářství bychom našli celou řadu odvětví, závodů a provozů s různou úrovní výrobních sil a produktivity práce. Kdybychom připustili všeobecnou platnost poučky, že úroveň odměňování je závislá na produktivitě práce, docházelo by k živelným přesunům pracovních sil do odvětví a závodů s vyšší úrovní výrobních sil a produktivity práce. Podstata otázky však není skryta v různé úrovni produktivity práce, ale v narušení ekvivalentnosti při směně jednotlivých produktů, jako výsledku abstraktní práce.

Socialistická společnost má vzhledem k ústřednímu a dlouhodobému plánování možnost některá odvětví preferovat a proplácet v nich za jednotku jednoduché práce vyšší odměnu na úkor jiných odvětví. Není sporu o účelnosti takové preference pro jednotlivá období, sporné však je, jak dlouho je takováto preference možná na úkor odvětví, kde je odměňování znevýhodněno. Je totiž nutné včas postřehnout, kam spěje výroba v znevýhodněných odvětvích, do jaké míry jsou uspokojovány potřeby společnosti v produktech, jež toto odvětví vyrábí, a jakou část výrobků preferovaných odvětví musíme vyvézt na zahraniční trhy, aby byla vyrovnána disproporce mezi výrobou a poptávkou — v tomto případě po zemědělských produktech.

Aby nedocházelo k porušování zákona o odměňování podle množství a kvality vykonané práce, je nutná jistá záruka základní odměny, kterou je ovšem nutno chápat ne jako garanci vůči zemědělskému podniku, ale vůči pracovníkovi. Při skutečně ekonomickém řízení zemědělství by většina podniků dokázala tuto garanci zaručit prostřednictvím dostatečně vysokého hrubého důchodu. Nevyjímáme však ani takové ekonomické nástroje, jako subvence, úvěry atd. V zásadě by tedy byl každý jednotlivý podnik sám zodpovědný za zajištění garantované odměny, avšak za předpokladu, že společenské instituce k tomu vytvoří podmínky, tj. prostor pro normální působení ekonomických zákonů.